

ретку» мы произнесли слово «столяр» и тут же о нем забыли, так что при переходе к слову «сделал» уже не знаем, кто именно здесь работал и делал, и если в переходе к слову «табуретку» уже забыли и слово «столяр» и слово «сделал», то ясно, что вместо связного предложения у нас появится только ряд дискретных слов, ничем между собой не связанных, и само предложение просто рассыплется на отдельные куски, не имеющие никакого отношения к целому, и, значит, просто перестанет существовать. Следовательно, каждое из трех слов, входящих в данное предложение, уже содержит в себе два других слова хотя бы потенциально, и все предложение есть такое целое, которое пусть и делится на отдельные члены, тем не менее уже само это деление на части предполагает специфику того целого, из которого состоит данное предложение и которое обладает уже таким новым качеством, которое никак не дробится на отдельные свои части или проявления. Итак, всякое предложение, состоящее из определенных членов, будучи в сравнении с ними новым качеством, не может делиться на свои отдельные члены, есть нечто неделимое.

Но это явствует не только из логического анализа грамматического предложения. Это в такой же мере ясно и из способа произношения данного предложения и из способа его написания или вообще из осуществления в том или ином вещественном виде. Когда мы произносим то или иное предложение, мы вовсе не отделяем подлежащее от сказуемого или сказуемое от дополнения. В связной речи, которой мы пользуемся для сообщения своих мыслей другим людям, всякое предложение проскакивает у нас, так сказать, единым духом, одним махом, в виде одной неразчленимой точки или в виде одной нераздельной линии. И если мы будем отдельно произносить каждое слово, входящее в данное предложение и будем его отдельно фиксировать, а в каждом слове будем фиксировать в дискретной форме составляющие его аффиксы и фонемы, то наше произносимое предложение просто рассыплется на ряд дискретных элементов, и никто нашего предложения просто не поймет. Конечно, мы не говорим о процессах обучения данному языку. В процессе обучения, конечно, приходится объяснять ученику и каждое отдельное слово, входящее в предложение, или вообще объяснять все элементы языка, его произношения и его записи вплоть до последней буквы. Но язык есть живое общение между людьми, а это общение не имеет ничего общего с обучением отдельным буквам и звукам, отдельным лексемам и словам и отдельным членам произносимых нами грамматических предложений.

Итак, грамматическая предикация, будучи своеобразным явлением в сравнении с чисто логической предикацией и являясь свободной интерпретацией, имеет не только разную степень предикативности, но имеет и множество разновидностей в зависимости от разных уровней языка.

В-третьих, языковая предикация, в сравнении с логическими категориями различия и тождества, будучи их свободной интерпретацией, может как угодно комбинировать члены грамматического предложения, совершенно произвольно и с использованием их любых сочетаний. В предложении «белеет парус одинокий в тумане моря голубом» все учебники, да и все исследователи считают «парус» подлежащим, «белеет» сказуемым, а слова «в тумане моря голубом» обстоятельством выражением. И формально так оно и есть, поскольку в качестве подлежащего большей частью выступает существительное в именительном падеже, а в качестве сказуемого — глагол с той или иной характеристикой времени действия. Однако это еще не есть язык в собственном смысле слова, но только чисто логическое суждение, которое в своем буквальном и механическом применении к грамматическому предложению делает это предложение чем-то чересчур формальным и тоже не соответствующим конкретной языковой практике.

Указанное предложение я могу понять как характеристику не паруса, но белизны. Представьте себе, что вы стоите на берегу моря и видите вдали голубой туман, который вас мало интересует, а интересует вас